

ШОГУН ДЛЯ ПРИНЦА

ОНА ДАЁТ СМЕРТЬ.
ОН ХОЧЕТ НАУЧИТЬСЯ ЕЁ НЕ БОЯТЬСЯ.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МИЛИЭЛА

МИЛЛИЭЛА МИЛЛИЭЛА

Палач для принца

«Автор»

2026

МИЛЛИЭЛА М.

Палач для принца / М. МИЛЛИЭЛА — «Автор», 2026

В королевстве есть только один человек, который не врёт. Это я. Потому что я слышу ложь. Каждое слово, каждая дрожь в голосе. Я — палач, и мой топор не терпит фальши. Я казнила сотни. Но никогда не думала, что однажды мне придётся спасти того, кого я должна убить. Принц пришёл ко мне за правдой о смерти. А нашёл ловушку. Через три дня его голова упадёт с плеч. Если я не успею найти убийцу его отца. В этом дворце каждый врёт. Кроме меня. И ещё одного человека, который сидит в камере смертников и смотрит на меня так, будто я — последняя надежда.

© МИЛЛИЭЛА М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

МИЛЛИЭЛА МИЛЛИЭЛА

Палач для принца

Глава 1

Восемнадцатая казнь в этом месяце. Руки помнят счёт лучше головы. Советник Кроу стоял на коленях перед плахой, жидкие волосы слиплись от пота.

Дрожал — обычное дело, я на это уже не смотрю. Смотрела на руки: пальцы вцепились в цепь до белых костяшек

. — Я не виноват, — прошептал он. — Клянусь всеми богами, я не предавал корону.

Я шагнула ближе. Рукоять топора успела нагреться от моей ладони. Наклонилась к его уху, чтобы площадь не услышала:

— Ты лжёшь, советник. Он вздрогнул.

— Я не... — Бровь у тебя дёргается. И дышишь через раз.

— Я провела пальцем по лезвию, проверяя заточку. — Скажешь правду — закончу быстро. Соклещёшь ещё раз — будешь умирать до заката.

Он замер, перестав ловить ртом воздух. Мельком глянула на трибуну — король с каменным лицом, рядом наследный принц, бледный мальчишка, вцепившийся в подлокотник трона. Первая казнь для него. Понимает ли он вообще, что это не праздник.

— Я... — Кроу судорожно сглотнул. — Я правда переправлял деньги врагам. Но меня заставили. — Кто? — Герцог... — он осёкся, оглянулся на трибуну, где герцог Воронов сидел с лёгкой улыбкой.

— Не могу сказать. Он убьёт мою дочь. Я вдохнула кислый запах страха.

— Твоя дочь будет жить. Она не в ответе за отца. Он заплакал, слёзы смывали грязные дорожки на щеках.

— Спасибо, — прошептал он. — Спасибо, Мира.

Впервые приговорённый назвал меня по имени. Обычно слышишь «Мясник», «Палач», «Женщина с топором». А этот знал. Странно. Я отошла на шаг, перехватила топором обеими руками и занесла его над головой. Кроу зажмурился, губы беззвучно шевелились — прощался с дочерью. Он действительно любил её, несмотря на всё то дерьмо, в которое вляпался. Почему-то сейчас это казалось важным. Я опустила топор. Удар вышел чистым и быстрым — я всегда делаю работу на совесть, если человек перед смертью не юлит. Голова покатила по деревянному помосту, оставляя тёмную алую полосу, а тело пару раз дёрнулось и затихло. Площадь выдохнула. Кто-то в толпе закричал, на трибунах захлопали — знать всегда аплодирует смерти, это развлекает их больше, чем шуты. Не оборачиваясь, я стянула тяжёлую металлическую маску. Мокрые от пота волосы упали на плечи. Рукава рубахи были в крови, но я даже не пыталась её оттирать — всё равно не отстирается.

У самой лестницы мне преградили путь. Наследный принц стоял у края помоста, бледный как полотно. Его руки заметно дрожали, но смотрел он прямо на меня. Впервые в жизни кто-то из знатных господ глядел без страха или отвращения. В его глазах было чистое любопытство.

— Ты дала ему лёгкую смерть, — сказал он тихо. Голос у него оказался совсем мальчишеским, ломающимся.

— Почему? Я хотела ответить что-то колкое — эти изнеженные господа вечно лезут не в своё дело, — но замялась под его пристальным взглядом. — Он сказал правду, — ответила я. — Мой кодекс. Принц нахмурился:

— Кодекс?— Я даю быструю смерть тем, кто признаёт вину. Тем, кто врёт до конца — долгую. Всё просто. Он открыл рот, собираясь спросить что-то ещё, но его прервал подошедший герцог Воронов:

— Ваше Высочество, вам не стоит стоять рядом с этим существом. Пойдёмте, я провожу вас. Я даже не обиделась, давно привыкла к такому отношению. Принц посмотрел на меня ещё раз и молча пошёл вслед за герцогом. Я проводила его взглядом, думая, какой странный мальчик растёт у нашего короля. Домой я возвращалась через чёрный ход дворца: грязные улочки, вонь из сточных канав, крики пьяных матросов у таверн. Дворцовую стражу я обходила по привычке — они никогда не пропускали меня через парадный вход в окровавленном тряпье, да и зачем мне лишний раз напрашиваться на унижения.

Моя комната когда-то была кладовой для дров. Одно узкое окно выходило на глухую стену соседнего здания, из обстановки — кровать, стол да сундук. Зеркала я не держала, лицо своё видела только в ушате с водой, да и то редко. В комнате стояла тишина — такая, какую я уже ждала. Достала из сундука чистую рубаху, стараясь не смотреть на бурые пятна на старой. За месяцы кровь будто въелась в кожу, не в ткань. Три коротких стука, два длинных. Открыла — на пороге Лия, лицо мокрое, пальцы до белизны вцепились в мою руку. — Боялась, — прошептала она. — Опять казнь. Думала, не вернёшься.

— Я всегда возвращаюсь. — Обняла её, вдыхая запах печёного хлеба, который хоть немного перебивал железо и сырость.

— Принесла ужин, поешь. — Она вытерла слёзы рукавом, выставила на стол хлеб с сыром. Села. Руки не дрожали — привычка. Внутри всё сжималось. После каждой работы одна и та же глухая пустота, и каждый раз Лия пытается её чем-то заполнить. Ели молча, потом она разговорилась — про пекарню, про то, как хозяин орал за съеденную полбулки. Я слушала, улыбалась простому звуку её голоса. Когда она ушла, я долго сидела в темноте, глядя на оплывающую свечу. Воск медленно капал на неструганный стол.

Я думала о советнике Кроу. Его дочь осталась одна, и в этом была моя вина. Да, он предатель, но он любил её так же, как я люблю Лию. С этими мыслями я и уснула прямо за столом, положив голову на руки. Разбудил меня резкий скрип двери. Я мгновенно вскочила, ладонь сама нащупала топориче под кроватью, но в дверях стояли не стражники и не воры. Это был принц. Он сжимал в руках мокрый дорожный плащ и смотрел на меня так, будто сам не верил, что действительно сюда пришёл.

— Как ты сюда попал? — спросила я, не выпуская топора.

— Я знаю все подземные ходы этого дворца, — тихо сказал он. — Отец забыл, что показывал их мне в детстве.

Он нерешительно переступил порог, прошёл к столу и сел на единственный стул. Его колени дрожали, но голос прозвучал удивительно твёрдо:

— Мира, палач. Научи меня не бояться смерти. У меня на секунду закружилась голова. За десять лет работы никто и никогда не просил меня о подобном, а теперь передо мной сидел мальчишка с глазами испуганного зверёныша. — Зачем тебе это?

— Мой отец умирает, — сказал он, глядя мне прямо в глаза. — И я боюсь, что я следующий. В его голосе было столько горькой правды, что я поверила ему сразу.

Глава 2

Наутро в городе всегда тихо после казни — люди будто сговариваются молчать до заката, хотя никто им этого не говорит. Женщины не стирают бельё у колодцев, дети не носятся по улицам, и даже собаки лают как-то реже, будто и они чувствуют, что вчера кто-то умер. Лия пришла на рассвете, принесла горячий хлеб и кувшин ещё тёплого молока. Я не спрашивала, где она это достала — у неё свой способ находить общий язык с пекарем, и меня это устраивало. Она уселась на край кровати и смотрела, как я ем, а рубаха на мне так и оставалась в бурых разводах. Отвращения в её взгляде не было. Давно привыкла, наверное.

— Вчера был герцог, — сказала она тихо. — Приходил в пекарню, расспрашивал про тебя.

— Что ему надо?

— Не знаю. Шептался с хозяином, а потом тот велел мне к тебе не ходить. Сказал, ты опасная. Я оторвала кусок мякиша и стала жевать, не торопясь.

— И что ты ответила? — Что от него самого воняет старой рыбой, а глаза как у жабы. Я поперхнулась молоком и закашлялась, а Лия рассмеялась — громко, во весь голос, так что этот смех совсем не вязался с нашей убогой комнатой.

Слушала её и чувствовала, как внутри немного отпускает, будто кто-то развязал узел под рёбрами.

— Не ходи завтра на работу. Останься у меня.

— А ты? — она посмотрела мне прямо в глаза. — Будешь здесь?

— Я буду в замке. Она замолчала и стала теревить край платка — так всегда делала, когда боялась спросить о чём-то важном.

— Ты не боишься их? Аристократов. Они ведь злые.

— Я тоже злая. Это держит нас в равновесии. Лия не улыбнулась в ответ, только посмотрела так пристально, что я сама отвела глаза. Она видела меня насквозь с того самого дня, когда я забрала её после смерти матери — ей было десять, а смотрела она уже тогда точно так же, будто не я палач, а просто старшая сестра.

— Приходи, когда закончишь, — сказала она, поднимаясь. — Испеку пирог с яблоками, ты ведь их любишь.

— Люблю. Дверь скрипнула, и я осталась одна, а за окном хрипло каркала ворона. Стянула грязную рубаху, налила в таз холодной воды, и кожа тут же покрылась мурашками — пришлось тереть запястья жёстко, до красноты, чтобы хоть немного смыть въевшийся запах железа. На руке белел старый кривой шрам: два года назад один осуждённый вырвался и полоснул меня заточкой прямо перед плахой, я прикончила его быстро, а рану потом зашивала сама, восемь неровных стежков при свече.

Переделась в чистое, затянула жилет, обула сапоги и поправила на поясе короткий топор — не рабочий, просто для улиц, мало ли. Утро встретило прохладой и длинными тенями. В замок шла через чёрный ход, мимо переулков, где толклись только нищие да ленивые стражники. Толстый караульный у ворот даже не повернул головы в мою сторону, просто отвернулся, будто вдруг очень занят. Внутри замка всю кипела жизнь — слуги с подносами сновали по коридорам, а на кухне кто-то надрывно орал. Я пошла напрямик к кабинету герцога: записку с требованием явиться на завтрак мне передали ещё вчера, через горничную с каменным лицом. Постучала трижды. Герцог Воронов сидел за столом и неторопливо жевал ветчину с яйцами, а рядом молчаливой тенью замер его худой секретарь с птичьим лицом.

— Проходите, — бросил он, не поднимая головы.

— Садитесь.

Я села напротив, положив топор на колени. Он покосился на оружие, но промолчал.

— Зачем я здесь? Герцог отложил нож, вытер рот салфеткой и уставился на меня в упор.

— Сегодня ночью ко мне пришёл принц. Сказал, что был у вас, что вы не задавали вопросов, а просто согласились помочь. Это странно.

— Он пришёл просить о помощи. Я не отказываю.

— И в чём же его просьба?

— Хочет посмотреть, как устроена казнь. Герцог недоверчиво усмехнулся, губы у него скривились.

— И вы поверили?

— Я не судья. Моё дело — исполнять приговоры. Хочет смотреть — покажу, это не запрещено.

Он долго разглядывал моё лицо, будто пытался нащупать в нём ложь, а я смотрела в ответ не мигая — привычка за годы работы. Наконец откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди.

— Отлично. Тогда вот вам приказ. Сегодня в полдень казните человека — вашего соседа, сапожника. Убил жену, арестован ночью, вина доказана. Хочу, чтобы казнь была публичной.

Внутри у меня всё похолодело. Старый сапожник? Да он никогда в жизни не поднимал на неё руку — она умерла от чахотки ещё в прошлом году, и весь квартал это знает, старик каждое воскресенье ставил за неё свечи в храме.

— Ваша светлость, этот человек не убивал.

— Не ваше дело, — оборвал герцог. — Ваша работа — рубить головы. Приказ дан. Говорил это так буднично, будто заказывал ещё порцию ветчины, а секретарь за его спиной так и стоял неподвижно, как статуя.

— Я не казню невиновных.

— А что вы сделаете? — Воронов подался вперёд. — Откажетесь — я найду другого палача, и он сделает то же самое, только ваш сосед будет умирать долго и мучительно, потому что новый костолом окажется неопытным. Вы этого хотите?

Я крепче сжала рукоять топора, пальцы начали неметь.

— Зачем вам это?

— Хочу проверить вашу лояльность, — улыбнулся он. — Откажетесь — сочту, что вы против меня. А противники Воронова долго не живут. И их сёстры тоже.

Я медленно поднялась, и солнечный луч из окна ярко блеснул на лезвии моего топора. — Вы не тронете Лию.

— Не трону. Если в полдень сапожник лишится головы. Идите готовьтесь.

Вышла в коридор и прислонилась спиной к холодной стене, пытаюсь выровнять дыхание — в груди клокотала глухая ярость, а перед глазами всё стоял этот старик, который скоро умрёт от моей руки просто потому, что я трусливо цепляюсь за жизнь сестры.

В полдень на площади собралось человек пятьдесят от силы — в будни зевак всегда мало. Сапожник стоял на коленях, связанные руки дрожали, он тихо плакал, не утирая слёз. Я подошла, положила руку ему на плечо. Старик вздрогнул и поднял на меня красные глаза.

— Я не убивал, Мира... Клянусь, она сама умерла. Я просто сидел рядом.

— Я знаю, — тихо ответила я. Его лицо изменилось, из глаз ушла последняя надежда.

— Тогда почему? — Потому что так надо. Закрой глаза. Я занесла топор, но с трибуны раздался резкий, ломающийся крик:

— Стой! На краю помоста стоял принц Эдвард, бледный как полотно, но смотрел решительно.

— Я запрещаю казнь. Этот человек невиновен, я сам займусь расследованием.

Герцог вскочил со своего места, лицо у него мгновенно налилось багровой кровью.

— Ваше Высочество, вы не имеете права вмешиваться в суд!

— Имею, — твёрдо отрезал принц. — Я наследник короны. Казнь отменяется.

Эдвард посмотрел на меня, и я не смогла разобрать, что в этом взгляде — страх или безумная храбрость. Коротко кивнул на приговорённого:

— Развяжи его. Я быстро перерезала верёвки, и сапожник рухнул передо мной на колени, пытаюсь поцеловать пыльные сапоги.

— Спасибо... Спасибо тебе, доченька...

Я молча отвернулась, в горле стоял колючий ком.

Вечером я сидела у себя в каморке, когда за окном уже сгустились сумерки. Лия пришла поздно, села рядом и молча положила голову мне на плечо, пахнущее пылью и дымом, а от волос её всё ещё веяло пекарней.

— Мне рассказали на улице, — прошептала она. — Что принц спас человека.

— Да. Принц. — Но и ты его не убила. Могла ведь поторопиться, а ты ждала.

Я смотрела на оплывающую свечу и гадала, зачем Эдвард так глупо подставился под удар Воронова — герцог не прощает публичных унижений, никогда не прощал.

В дверь постучали: три коротких, два длинных. Я рванула засов. На пороге стоял запыхавшийся Эдвард, его дорожный плащ был наспех накинут на плечи.

— Она жива? — спросил он с порога, тяжело переводя дух.

— Кто?

— Твоя сестра. Я слышал, как герцог угрожал тебе её жизнью.

Я отступила на шаг, впуская его внутрь.

— Она здесь. Цела.

— Слава богу, — он облегчённо выдохнул.

— А ты сама как?

— Нормально.

Принц перевёл взгляд за мою спину, где у стола стояла Лия и с любопытством рассматривала гостя.

— Вы тот самый принц Эдвард? — спросила она.

— Да.

Лия вдруг открыто улыбнулась:

— А на портретах вы выглядите куда кислее.

Эдвард неловко усмехнулся:

— Спасибо. Пожалуй, мне пора идти.

— Ну уж нет, оставайтесь, — Лия задвигала стульями. — Я как раз испекла пирог с яблоками, Мира их обожает. Она посмотрела на меня с явной хитрецей — для неё принц сейчас был просто гостем, обычным испуганным парнем, которого надо накормить. Мы уселись за стол. Лия резала пирог и расспрашивала Эдварда о замковой жизни, а он понемногу расслаблялся, рассказывал, как в детстве таскал вишнёвое варенье с королевской кухни. Они смеялись, а я сидела молча, прислушиваясь к шорохам за дверью. Герцог не спустит этого с рук. Он ударит быстро и больно. Я посмотрела на смеющегося Эдварда, потом перевела взгляд на тяжёлый топор, лежащий на сундуке у двери, и пальцы сами собой сжались в кулак. Если люди Воронова сунутся сюда сегодня ночью, живым из этого переулка не уйдёт никто.

Глава 3

Яблоками в комнате не пахло — только кислым пироговым чадом, остывающим жиром да нагаром от парафинового огрызка. Лия спала на кровати, свернувшись калачиком, поджав колени к самому подбородку. Всегда так спала, точно её в детстве в тесную корзину прятали. Я сидела на трёхном табурете у окна и смотрела, как за глухой стеной соседнего склада светлеет небо. Солнце едва поднималось над крышами трущоб, обрубая длинные ночные тени. Эдвард свалил далеко за полночь. Лия силой заставила его доесть пирог, а потом подливала ему травяного чая с мёдом. Парень пил, уставившись в щербатый стол, и тихим, чужим голосом рассказывал про мать — про то, как она танцевала на зимних праздниках. Руки его — длинные, бледные, без единой мозоли — мелко дрожали, когда он поднимал глиняную кружку. Он всё время лапал себя за шею, словно воротник камзола его душил, а сердце в груди колотилось как бешеное. Страх из него так и пёр. И боялся он не герцога и не за свою шкуру — боялся, что тупо не успеет. Чего именно не успеет, я не спрашивала, а он молчал. Теперь он в замке, а я сижу в пустой каморке и жду. Чего жду — сама не знаю. В животе скрутился тугой узел, как перед выходом на плаху. Воронов вчерашний позор прожевать не сможет. Публичный запрет казни, приказ отогнать палача — это дыра в его власти. Он ударит. Вопрос только — насколько быстро и по кому из нас первому. Лия заворочалась, потёрла глаза кулаком и села.

— Ты не спала? — проворчала она, сбивая подушку.

— Спала.

— Врёшь. Глаза красные, как у кролика. Всю ночь в угол пялилась.

Я молча повела плечом.

— За меня боишься, — сказала она. Не спросила — просто констатировала. Потом сползла с кровати, подошла и ткнулась своим тёплым плечом в моё.

— Перестань. Я не из воска, не растаю.

— Ты Воронова не знаешь, — огрызнулась я. — Он не прощает.

Лия снизу вверх глянула на меня и ухмыльнулась: — А ты прощаешь?

— Нет.

— Ну и ладно. Значит, вы с ним одного поля ягоды. Она подвязала платок, поправила юбку и замерла у порога.

— Пойду в пекарню. Если к вечеру не приду — ищи.

— Найдёшь тебя, как же... — пробормотала я, но сестра уже выскочила за дверь. Шаги её — быстрые, дробные — быстро затихли на улице. В каморке снова стало тихо. Я подтянула ремень с коротким топором, накинула куртку и пошла во дворец. Наш переулок встретил привычной грязью. У ворот замка караулил толстый стражник, который обычно спал стоя, прижавшись к стене. Нынче он не спал. Увидев меня, сплюнул под ноги и процедил сквозь зубы: — Палач, суши сухари. В большом зале тебя ждут.

— Кто?

— Совет. Все, кто ещё ногами двигает. Большой зал был прокурен свечным чадом и провонял духами. Свет бледными полосами падал с высоких окон прямо на каменный пол. Вдоль стен на резных стульях восседали шесть человек. Воронов — в самом центре, в бархатном камзоле, а за его спиной торчал секретарь с птичьей физиономией и пером. По левую руку кисла седая графиня, по правую — главный судья, раздувшийся, как бочка с сивухой. Эдвард сидел в дальнем углу. Совсем серый, под глазами налились тёмные синяки. Когда я вошла, он вскинул голову и уставился на меня так, будто тонул и просил вытащить.

— Подойдите, — каркнул герцог.

Я подошла и встала посреди зала. Топор на поясе даже не стала прикрывать полами куртки. Воронов мазнул по лезвию взглядом, но сухие губы скривил молча.

— Вчера вы нарушили приказ, — спокойно начал герцог. Голос у него был ровный, чистый, без ора. — Вы отпустили приговорённого по указке принца. Но слово принца без королевской печати — пустой звук. Король болен и указов не подписывает. Вы сорвали казнь.

Это измена.— Принц — наследник, — отрезала я. — Я подчинилась его слову.

— Наследник — ещё не корона, — оскалился Воронов.

— Он не может отменять приговоры суда. Из-за вашей самоуправности душегуб сегодня разгуливает по кварталу.Эдвард вскочил со стула, сжав кулаки:

— Это был мой приказ! Если хотите кого-то судить — судите меня!

— Ну что вы, Ваше Высочество, — герцог мягко развёл руками, словно успокаивал глупого щенка.

— Вы молоды. Вас просто ввели в заблуждение. Палач соврала вам, будто сапожник чист перед законом, и обвела вокруг пальца. Надавила на ваше милосердие. Вина целиком на ней.Я глянула на принца. Тот замер с открытым ртом, не зная, куда девать руки.

— Я не врала принцу, — проговорила я. — Он сам решил.

— Вы ходили к нему ночью! — Воронов ткнул в меня кривым пальцем. — Вы плели интриги за спиной совета. Это влияние на королевскую особу. За такое коротко стригут на плахе.В зале повисла тяжелая тишина, только за стеклом каркали галки. Всё было шито белыми нитками. Воронову нужен был не сапожник — ему нужна была моя голова, чтобы принц окончательно остался без зубов. Ловушка. Обычная крысоловка.

— Ваша светлость, — сказала я, смотря ему прямо в переносицу. — Я готова ответить. Но сапожник жену не резал. Она от чахотки слегла. Если я лгу — рубите мне голову хоть сейчас. А если нет — выходит, вы хотели отправить на плаху невиновного? За это в законе тоже статья найдётся.Герцог багровел на глазах. Губы его сжались в узкую нитку, а секретарь за спиной застрочил пером с удвоенной скоростью.

— Наглая, — выдохнул Воронов. — Слишком много о себе мнишь для костолома.

— Я не всегда головы рубила, — буркнула я. — Справедливость искать пробовала. Вот и пришла... к вашему столу.

Воронов молчал долго. Потом откинулся на спинку стула:

— Ладно. Даю тебе три дня. Докажешь, что старик чист — сниму обвинение. Не докажешь — взойдёшь на помост вместе с ним.Он поднялся, собираясь уходить, но у самой двери обернулся:— И запомни: дернешься из города — твоя сестрёнка из пекарни будет умирать очень долго. Я лично прослежу.

Когда совет вывалился из зала, мы остались вдвоём с Эдвардом. Парень подошёл к окну, уткнулся лбом в холодное стекло.

— Зачем ты с ним зацепилась? — тихо спросил он.

— Я бы тебя вытащил...

— Не вытащил бы, — сказала я, садясь на подоконник рядом. — Ты сам еле на ногах держишься.Он не ответил. Плечи у него дрожали.— Вчера ты не дал убить человека, — добавила я.

— Это не слабость.— Это глупость! — выкрикнул он, повернувшись.

— Теперь он убьёт тебя!

— Он и так собирался, — я посмотрела на свои пальцы. Костяшки были сбиты ещё с прошлого года.

— Палач, который не жрёт с руки, герцогу без надобности. К тому же я знаю, от чего слег твой отец.Эдвард побледнел так, что стали видны мелкие веснушки на носу:

— Что ты несёшь?..

— У него перед концом пальцы почернели, — ровно сказала я. — Я видела его, когда в замок ветошь таскала. На войне таким ядом крыс и пленных морили. Без вкуса, без запаха, а печень за месяц в труху выгнивает.Принц сполз по стене на корточки, обхватив голову руками:

— Ты... ты почему молчала?

— А кому скажешь? Тебе? Ты бы сразу побежал к Воронову спрашивать, правда ли это. В общем, слушай сюда, Ваше Высочество. У нас три дня. Я ищу концы по сапожнику, а ты роешь под герцога. Ищи его бумаги, письма, допрашивай аптекарей. Если не найдём ничего — нас обоих прикопают за замковой стеной. Парень медленно поднялся. Страх из его глаз никуда не делся, но челюсть сжалась.

— Я найду, — прошептал он. — Я залезу в его кабинет.

— Иди. И рот держи на замке. Я вышла из замка и поплелась на окраину, к домишке сапожника. Старик сидел на гнилом крыльце, уставившись в лужу. Руки лежали на коленях — сухие, скрюченные от работы с дратвой.

— Пришла? — прошамкал он, даже не подняв головы.

— Мне нужна правда, дед. Кто видел тебя в ту ночь, когда баба твоя преставилась? С кем ты был? Старик помолчал. Потом поднял на меня мутные, выцветшие глаза:

— Ты про жену? Я её убил. У меня внутри всё осело.

— Что?..

— Я её толкнул, — ровно, без эмоций пробормотал старик.

— Перепила она, орала... Я толкнул, она с лестницы и кувыркнулась. Головой об угол лавки. И всё.

— Ты ж вчера на площади орал, что невиновен! — я шагнула к нему, сжав кулаки.

— Ты принцу в ноги валился!

— Жить хотелось, — старик слабо усмехнулся. — Все жить хотят, дочка. Испугался я. Прости уж. Я стояла перед ним, и у меня в горле горчил застарелый гнев. Старый дурак. Трусливый, паршивый дед, из-за которого я только что подставила под удар Лию и принца.

— Что теперь делать будешь? — крикнул он мне вслед, когда я развернулась. Я не стала отвечать. Пошла прочь по раскисшей улице, втапывая грязь сапогами. Три дня. У меня осталось три дня, и весь мой расклад рассыпался в прах. Идти к принцу и сказать, что мы спасали убийцу? Он сдуется. Пойти к Воронову и взойти на плаху? Щас, разбежалась. Я остановилась у поворота в свой переулок, вытащила топор из зажимов, проверила пальцем лезвие. Холодное. Острое. Воронов знал. Этот старый лис с самого начала знал, что сапожник зашиб свою бабу. Он подсунил мне заведомо проигрышную кость, чтобы я либо сломала зубы, либо приползла к нему на коленях просить пощады. Ну уж нет. Если герцог играет не по правилам, значит, и я доски беречь не стану. Сапожник сядет на плаху — туда ему и дорога. А вот Воронову я эти три дня устрою такие, что он сам пожалеет, что не придушил меня ещё в гильдии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.